

18+

СЕГА САШИН

СТЕКЛЯННЫЙ

ЁЖ

18+

夢を売る

記憶商品

75
下層

СТЕКЛЯННЫЙ
ЁЖ



ガラスのハリネズミ

РЖАВЫЕ
ПЕТЛИ



Сега Сашин

Стеклянный ёж

«Издательские решения»

Сашин С.

Стеклянный ёж / С. Сашин — «Издательские решения»,

В Неон-граде сны давно стали товаром: детские воспоминания продают оптом, горе упаковывают в подписку, а счастье стирают из бедных голов. Макар, сыщик с пустой ячейкой в нейросети, умеет возвращать украденные сны — пока на его пороге не появляется Лера. Её муж, техник «Стеклянного ежа», застрял в цифровой коме и спрятал правду в последнем сне. Чтобы вытащить его, Макару придётся открыть дверь туда, где спит первый проданный сон. И цена входа — память о женщине, которую он пытался забыть однажды.

© Сашин С.

© Издательские решения

Содержание

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ 18+	6
ПРОЛОГ	7
ГЛАВА 1. СМЕЮЩИЙСЯ МАЛЬЧИК НА КРЫШЕ	11
ГЛАВА 2. ЖЕНЩИНА БЕЗ СТРАХА	15
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Стеклянный ёж

Сега Сашин

Дизайнер обложки Сергей Юрьевич Гурьянов

© Сега Сашин, 2026

© Сергей Юрьевич Гурьянов, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0071-1464-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ 18+

Книга предназначена для совершеннолетних читателей. Текст содержит сцены насилия, угрозы жизни, психологически тяжёлые эпизоды, упоминания смерти, цифровой эксплуатации, алкоголя, табака, медицинских процедур и травматического опыта.

Возрастное ограничение: 18+. Не рекомендуется лицам младше восемнадцати лет, а также читателям, которым может быть тяжело воспринимать темы утраты, принуждения, эксплуатации памяти и насилия.

ПРОЛОГ

Неон-град никогда не спал. Город дышал выхлопами, гудел серверами и плакал чужими снами. Район Ржавые Петли получил своё название от старых теплотрасс, опутавших небоскрёбы, как вены. По трубам текла не вода — текла информация. Дешёвый синтетический кислород для нижних уровней. Запах озона, жареного мяса, мочи и пластика — вот вам романтика киберпанка.

Макар не помнил, когда это началось. Может быть, в тот день, когда он впервые подключил нейросеть — тогда ему было двенадцать, и отец купил дешёвый имплант на чёрном рынке. Может быть, позже, когда продал свои первые воспоминания, чтобы заплатить за квартиру. Может быть, сны всегда были живыми. Просто никто не замечал.

Врач в «Стеклянном еже» тогда назвал это побочным эффектом: после процедуры в его нейросети осталась пустая ячейка. Не повреждение, не шрам, не ошибка — место, которое система не смогла заполнить. Макар назвал бы это дырой. Ляля, если бы видела протокол, назвала бы иначе: идеальным сосудом.

Пустые места редко остаются пустыми. В Неон-граде их всегда кто-нибудь покупает.

Ему снилась Вера. Не лицо — черты стёрлись семь лет назад, проданы вместе с памятью. Ощущение: тепло, свет, тишина. И голос — далёкий, как радио на другой частоте.

От Веры у него остались не фотографии и не даты. Фотографии он сжёг в первый месяц, даты стерлись сами, потому что календарь в Неон-граде всё равно служил только для счетов и похорон. Остались вещи, которые не брали в банк снов: кружка со сколом у ручки, пятно от сигареты на подоконнике, привычка класть хлеб на батарею, чтобы он казался свежим, и фраза про то, что хлеб с горчицей — ужин для свободных людей. Макар помнил фразу. Не помнил, как она улыбалась, произнося её.

Иногда он просыпался с запахом лаванды и дешёвого табака в горле. Не в комнате — в горле. Будто кто-то выдохнул ему внутрь, а потом забыл забрать дыхание обратно. В такие утра он долго сидел на краю кровати и не включал свет. Свет делал отсутствие Веры слишком заметным.

— Ты забыл меня, — сказала она. — Это был твой выбор. Я не злюсь.

— Я хочу вспомнить, — ответил он. Во сне его голос звучал чужим — моложе, чище, без той хрипоты, которую он заработал за годы в Ржавых Петлях.

— Нельзя. Потому что технология не возвращает долги. Она только берёт.

Она хотела сказать что-то ещё, но свет померк, тепло ушло, и Макар провалился в пустоту. Ту самую, которую купил семь лет назад в «Стеклянном еже», — комнату без стен, без пола, без потолка. Бесконечную белую тишину. Одиночество, упакованное в терабайты.

Он не помнил, как оказался там. Только лица в белых халатах. Только игла в затылке. Только голос: «Вы уверены? Воспоминания нельзя будет вернуть». Он был уверен. Он хотел забыть. Он хотел спать без криков. Он хотел проснуться и не знать, что потерял.

Но забыть не получилось. Вера осталась. Не лицо — тень. Не имя — звук. Не любовь — пустота, которая болела каждый день, каждую ночь, каждую секунду.

Макар открыл глаза. Потолок — старый бетон, трещины, пятна сырости. В одной трещине он когда-то видел лицо Веры. Теперь видел только трещину. Окно залито неонов — реклама «Стеклянного ежа» мигала в двух кварталах от дома. Будильник показывал 6:14. Простыня взмокла — хоть выжимай.

За стеной кто-то кашлял так, будто лёгкие давно стали муниципальной собственностью. Снизу ругались две женщины — одна обвиняла другую в краже кислородного фильтра, другая отвечала, что фильтр сам ушёл, потому что у него тоже есть чувство достоинства. В трубе над

окном что-то скреблось: или крыса, или маленький ремонтный дрон, который заблудился в системе отопления ещё до последней реформы ЖКХ.

Макар любил эти звуки. Не признавался даже себе, но любил. Они доказывали, что мир снаружи всё ещё происходит. После снов, где белая пустота не знала ни кашля, ни ругани, ни крыс, даже чужая бедность звучала как музыка.

Квартира пахла ночной сыростью, холодным металлом и старой проводкой. В углу потрескивала розетка — та самая, которую Вера когда-то обещала починить, потому что Макар, по её словам, мог найти украденный сон, но не мог заменить вилку без угрозы районного пожара. Розетка искрила уже семь лет. Он ни разу не вызвал мастера. Некоторые поломки держат дом на месте лучше новых винтов.

Он сел на кровати. Голова гудела — каждое утро одно и то же. Как будто кто-то подключился к его нейросети без спроса, выкачал немного памяти и оставил после себя помехи. Семь лет он просыпался с этой болью. Семь лет врачи говорили: «Мигрень, пейте таблетки». Макар не пил. Таблетки делали его пустым. А он и так был пустым — зачем усугублять?

За дверью — тишина. Ляля спит? Нет, киборги не спят. Сидит в кресле, читает бумажную книгу. Людей это бесит — зачем читать бумагу, когда можно загрузить любой текст прямо в нейросеть? Ляля не отвечает. Ей нравится держать страницы. Она говорит, что это делает её похожей на человека.

На столе возле неё лежал распечатанный медицинский лист Макара — копия старого заключения «Стеклянного ежа». Ляля стащила его из архива три года назад и перечитывала, когда думала, что Макар не видит. В графе осложнений стояло сухое: «остаточная когнитивная полость, стабильно». Стабильно — значит, корпорация знала и не исправила. Или оставила нарочно.

Макар натянул старую куртку, потёртый бронежилет под низ. Не от пуль — от ножей. В Неон-граде редко стреляют. Чаще режут. Плазма дорогая. Лезвие — бесплатно.

Он вошёл в гостиную. Восемнадцать квадратных метров. Стол, стул, кресло, кровать. И Ляля. Единственный друг. Единственный свидетель его медленного распада.

Комната была устроена так, будто её собирали не для жизни, а для осады. Шкаф стоял под углом к двери — его можно было сдвинуть за три секунды и забаррикадировать вход. Под столешницей магнитом держался короткий нож. Возле окна лежала старая аптечка, в которой давно не было лекарств, зато были два запасных магазина и игла для аварийного отключения импланта. На стене висела бумажная карта района, вся в следах кофе и табачного пепла. Ляля называла это «домашним уютom для параноиков». Макар называл это понедельником.

— Доброе утро, — сказал он.

— Ты кричал, — ответила она, не поднимая головы. Её правый глаз — янтарный, с регулируемым зрачком — блеснул в темноте. Левый давно вытек: чёрный провал, затянутый плёнкой, ореол микротрещин. Она получила эту рану, когда прикрывала его от плазмы. Макар нёс её три квартала на себе. Она шипела: «Поставь меня, я могу идти». Он не поставил. С тех пор они не говорили об этом.

— Знаю.

— Хочешь поговорить?

— Нет.

— Тогда я сварю кофе.

— Ты не умеешь.

— Научусь. Сегодня особенный день.

— Почему?

— Потому что сегодня кто-то умрёт. Или мы. Или клиент. Или все сразу.

— Оптимистка.

— Реалистка.

Ляля взяла термопот, насыпала в фильтр дешёвый суррогат, который пах жжёной резиной. Запах наполнил комнату — кислый, горький, отвратительный. Но Макар привык. Как привык к дождю, к гулу дронов, к тому, что клиенты приходят только тогда, когда всё уже сгорело.

— Сегодня будет клиент, — сказала Ляля.

— Откуда знаешь?

— Алгоритм. Статистика. Раз в тридцать два дня кто-то находит наш номер. Последний раз был тридцать два дня назад.

— И кто тогда был?

— Пьяница, который потерял свой сон в пиратском хабе. Ты нашёл его файл за полчаса. Он заплатил десятью кредитами и бутылкой виски.

— Виски было хорошим.

— Виски было ужасным. Ты пил три дня.

— Это была дегустация.

— Это был запой.

Макар не стал спорить. Он вообще редко спорил с фактами, когда факты говорили голосом Ляли. Но про того пьяницу она знала не всё — и не всё стоило рассказывать до завтрака.

— Ты опять сделал что-то честное и убыточное, — сказала Ляля.

— Это называется профессиональная репутация.

— Это называется плохая бизнес-модель. Но иногда плохие бизнес-модели доживают до следующего клиента.

Макар усмехнулся — сухо, безрадостно. Встал, подошёл к единственному окну, выходящему на юг. Оттуда, через смог и кислотные разводы вечного дождя, было видно чёрное здание — «Стеклянный ёж». Сорок этажей стекла, стали и лжи. Сорок этажей чужих снов, запакованных в живую ткань.

Стекло не отражало город — оно транслировало рекламу: «Верни себе счастье. Легально. Безопасно».

Врали. Всё врёт.

— Знаешь, что говорят про «Стеклянного ежа»? — спросил он, не оборачиваясь.

— Ты всё равно расскажешь, — сухо ответила Ляля.

— Туда ходят не за снами. Туда ходят, чтобы забыть.

— Цинично.

— Реалистично.

— Это одно и то же в твоём возрасте.

— В моём возрасте — да.

Он закурил. Сигарета «Неоновая тоска» — дешёвая, горькая, с привкусом надежды, которой не сбыться. Выдохнул дым в форточку, где дрон-уборщик заорал на кого-то вниз. Где-то разбилась бутылка. Сирена полицейской машины. Обычное утро в Ржавых Петлях.

Ляля поставила перед ним дымящуюся кружку. Чёрную, как смола. И свою — пустую.

— Ты не пьёшь кофе, — напомнил он.

— Знаю. — Она села напротив. — Но мне нравится держать кружку. Это делает меня похожей на человека.

— Ты и так похожа.

— Не льсти. Моя челюсть сделана из композита, а сердце — это аккумулятор. Я не человек. Я киборг.

— Ты — единственная, кто меня не бросил. Этого достаточно.

Ляля замерла. Её правый глаз сузился в точку — она анализировала его слова. Процессоры гудели. Сенсоры проверяли ложь.

— Сентиментальный идиот, — наконец сказала она.

— Это точно.

В дверь постучали. Три удара. Коротких, резких, нервических.

Ляля выдвинула излучатель из правого предплечья. Бесшумно. Как учили на войне, которую она не выбирала.

— Не свети, — сказал Макар, направляясь к двери.

— Они пришли не мириться.

— Я тоже.

Он открыл дверь.

ГЛАВА 1. СМЕЮЩИЙСЯ МАЛЬЧИК НА КРЫШЕ

ТРИДЦАТЬ ДВА ДНЯ ДО СТУКА В ДВЕРЬ.

Пиратский хаб «Кишка» находился под рынком дешёвых органов, в бывшем коллекторе, где когда-то текла вода, а теперь текло всё остальное: чужие пароли, ворованные лица, обречённые сны, медицинские долги, обещания несуществующих врачей и реклама счастья с поминутной оплатой.

Вход был замаскирован под лавку по ремонту зонтов. В Неон-граде зонты ремонтировали только либо идиоты, либо люди, которым надо было попасть в «Кишку». Дождь здесь ел ткань быстрее, чем бедность ела людей. Проще было ходить мокрым и делать вид, что так задумано.

Макар остановился под вывеской «ЗОНТЫ. ГАРАНТИЯ ДО ПЕРВОГО ДОЖДЯ» и закурил. Дым смешался с паром из канализационной решётки. Пар пах мясом, старой кровью и кислым электричеством. Где-то наверху торговец орал, что у него сегодня скидка на почки с минимальным пробегом. Где-то снизу кто-то смеялся так, будто уже понял, что не выберется.

— Ты уверен, что клиент жив? — спросила Ляля.

Она стояла рядом, в сером плаще с высоким воротником, и изображала случайную женщину, которая пришла починить зонт. Получалось плохо. Случайные женщины редко сканировали толпу правым янтарным глазом и держали левую руку так, чтобы излучатель мог выйти без складки на рукаве.

— Три часа назад был жив.

— В Ржавых Петлях это не аргумент.

— Он должен мне десять кредитов и бутылку виски.

— Тогда он точно мёртв. Люди с долгами редко бывают пунктуальны.

Клиента звали Боря Клин. Когда-то он работал монтажником рекламных экранов и умел висеть на высоте сорока этажей с дрелью в зубах. Потом сорвался, выжил, получил компенсацию в виде бесплатного курса снотерапии и за месяц пропил всё, кроме одного сна. Сон был старый, детский: крыша дома, бумажный змей, отец без запаха спирта и мальчик, который смеётся так, будто ещё не знает слова «долг».

Боря продал этот сон однажды, потом выкупил, потом потерял в пиратском хабе. Теперь сидел в подъезде Макара и плакал в рукав, повторяя: «Я думал, у меня такого не было». Люди часто плакали не потому, что потеряли счастье. Они плакали, когда узнавали, что оно когда-то существовало.

— Если файл уже перепродали, — сказала Ляля, — мы найдём только хвост.

— Значит, пойдём за хвостом.

— У тебя романтическое отношение к мусору.

— У меня профессиональная деформация.

Под лавкой оказалась лестница. Узкая, мокрая, с поручнем, который лип к ладони. На стенах кто-то рисовал мелом глаза. Обычные, синие, зелёные, чёрные, детские, кошачьи, механические. На самом нижнем пролёте Макар заметил один рисунок, от которого почему-то стало холодно: два белых круга без зрачков и подпись кривыми буквами: «ДИМА НЕ СПИ».

— Видела? — спросил он.

— Граффити. Детская рука. Краска свежая. Подпись не из местной банды.

— Запомни.

— Я всё запоминаю.

— Тогда притворись, что это было важно.

Ляля посмотрела на него. Её правый глаз щёлкнул диафрагмой.

— Притворилась.

В «Кишке» было тесно и тепло. Тепло не от отопления — от людей, серверов и страха. Кабели свисали с потолка, как кишки настоящего животного. Вдоль стен стояли кресла погружения: старые, разные, собранные из больничных списаний, игровых кабин и стоматологических кресел. В некоторых сидели клиенты. Их лица были расслаблены, но пальцы двигались, будто они пытались удержать то, что им снилось.

На главном экране крутилась реклама: «СОНЫ ДЕТСТВА. ОПТ. РОЗНИЦА. БЕЗ ЛИЦЕНЗИИ. БЕЗ ВОПРОСОВ». Ниже мигали категории: первая любовь, последний разговор, мать улыбается, море настоящее, отец не ушёл, день без боли. Самой дорогой была категория «до первого предательства».

Макар ненавидел это место не за грязь. Грязь была честной. Он ненавидел его за аккуратность ценников.

У стойки сидел человек по прозвищу Пастырь. Настоящего имени никто не знал; возможно, оно давно ушло в залог. У Пастыря были длинные пальцы пианиста, глаза бухгалтера и голос врача, который уже решил, что пациент не оплатит операцию.

— Макар, — сказал он. — Ты опять за чужой бедностью?

— За файлом.

— Все файлы чужие, пока не куплены.

— «Смеющийся мальчик на крыше». Боря Клинт.

Пастырь поднял брови. Это было почти признанием.

— Старьё. Кому он нужен?

— Мне.

— Тебе не нужны детские сны. У тебя лицо человека, которому детство противопоказано. Ляля наклонила голову.

— У тебя пульс вырос.

— Киборгам вход без лицензии запрещён.

— Я не киборг. Я семейная проблема.

Макар положил на стойку десять кредитов. Монеты выглядели жалко. Пастырь посмотрел на них так, будто Макар принёс на похороны купон на скидку.

— Копия уже ушла, — сказал он. — Оригинал в очереди на очистку. Через семь минут из мальчика сделают пакет «безопасная радость». Без отца, без крыши, без риска. Рекламодатели любят чистые эмоции.

— Где сервер?

— Макар...

— Где?

Пастырь вздохнул. На секунду в его лице мелькнуло что-то человеческое — не совесть, нет, совесть здесь сдавали вместе с курткой, — а усталость человека, который слишком долго торговал тем, что сам уже не мог видеть.

— Третий шкаф. Верхний слот. Но ты опоздал.

— Я часто опаздываю. Иногда это сбивает людей с толку.

Третий шкаф охраняли двое. Один живой, второй почти. У живого была плазменная дубинка и шрам от подбородка до уха. У почти живого — дешёвый боевой имплант, из-за которого он моргал каждые две секунды, будто мир всё время обновлялся перед глазами.

Ляля подошла первой.

— Отойдите.

Живой рассмеялся.

— А если нет?

— Тогда я объясню тебе разницу между человеком и препятствием.

— Какая разница?

— Препятствие можно двигать без сожаления.

Макар не успел досчитать до трёх. Ляля взяла живого за запястье, повернула, тихо хрустнуло, дубинка упала на пол. Второму она просто посмотрела в глаза. Его имплант решил, что перед ним пожар, наводнение и налоговая проверка одновременно, и выключил ноги. Он сел на пол очень аккуратно, будто сам так планировал.

— Ты могла мягче, — сказал Макар.

— Могла грубее.

— Убедительно.

Серверный шкаф был старым, с ручной защёлкой. Такие ещё помнили время, когда данные хранили не в живой ткани, а в железе. Макар вытащил верхний слот. Внутри, между пиратскими снами и краденой бухгалтерией, пульсировал маленький файл с детской меткой. На экране вспыхнул предпросмотр: крыша, вечер, бумажный змей, мальчик смеётся. Смех был такой светлый, что в «Кишке» на секунду стало темнее.

Рядом с файлом лежала копия. Не одна — три. Пастырь соврал не полностью, а экономно. Одну копию уже купили. Название заказа: «МОРЕ ДЛЯ ДЕТЕЙ. СВЯЗКА 009». Подпись покупателя была пустой. Вместо адреса — старая строка: «Северный ангар / архив ниже нуля».

— Ляля.

— Вижу. Лог кривой. Часть маршрута стерта до того, как файл ушёл. Кто-то покупает детскую радость оптом и прячет адрес глубже обычного чёрного рынка.

— Сможешь отследить?

— Сейчас нет. Если полезу, хаб заметит. Если хаб заметит, сюда придут люди с плохим чувством юмора.

Макар посмотрел на смех мальчика. Потом на пустую подпись. Потом снова на смех. Плохие решения редко выглядят красиво; чаще они выглядят как кнопка «удалить».

Он скачал оригинал Бори, уничтожил две копии и не смог достать третью. Она уже ушла в сеть, как игла в вену города.

— Ты мог продать хотя бы одну, — сказал Пастырь за спиной. — Коллекционеры детской радости платят быстро. Без вопросов.

— Я заметил, что люди без вопросов обычно покупают ответы.

— Ты бедный, Макар. Не благородный. Просто бедный.

— Одно другому не мешает.

Пастырь рассмеялся.

— Мешает. Каждый день мешает.

Когда они вышли из «Кишки», дождь стал гуще. В Ржавых Петлях дождь не очищал город; он только равномерно распределял грязь. Боря ждал в подъезде, сидя на ступеньке с бутылкой, которую ещё не открыл. Макар отдал ему файл на старом дешёвом носителе.

— Там всё? — спросил Боря.

— Всё, что осталось.

Боря прижал носитель к груди, как фотографию ребёнка. Потом включил предпросмотр. На крошечном экране мальчик на крыше засмеялся. Боря смотрел на него и плакал без звука. У взрослых мужчин в Неон-граде слёзы редко текли красиво. Они выглядели как утечка старой трубы: неуместно, стыдно, неизбежно.

— Я думал, у меня такого не было, — сказал он.

— Было.

— А почему я стал таким?

Макар хотел съязвить. Сказать про город, про отцов, про падение с сорока этажей, про бесплатную терапию, которая всегда дороже платной. Но Боря держал в руках своё детство, и рядом с ним любые умные слова звучали бы как воровство.

— Потому что было мало, — сказал Макар. — Но было.

Боря кивнул, будто это был приговор, который он готов принять.

На обратном пути Ляля молчала. Это у неё получалось хуже, чем стрелять. Возле дома она сказала:

- Ты уничтожил товар на сумму, которой хватило бы закрыть аренду за три месяца.
- Два с половиной.
- Я считала с твоими долгами.
- Тогда четыре.
- Сентиментальный идиот.
- Это точно.

Но когда они поднялись к квартире, Макар заметил: Ляля не ругалась на виски, который Боря сунул ему в руки вместо денег. Она смотрела на старый носитель в кармане Макара так, будто впервые поняла: некоторые вещи возвращают не потому, что за них платят. Некоторые возвращают, чтобы у мира оставалось алиби.

Той ночью Макар долго не мог уснуть. Не из-за Веры. Из-за третьей копии, ушедшей по адресу, которого не должно было быть. «Море для детей. Связка 009». «Северный ангар». «Ниже нуля». Слова лежали в голове, как мокрые спички. Они ещё не горели. Но уже пахли дымом.

ГЛАВА 2. ЖЕНЩИНА БЕЗ СТРАХА

На пороге стояла женщина. Лет тридцать, волосы собраны в тугий узел — так туго, что кожа на висках натянулась, стала глянцевой, почти прозрачной. В дешёвом пылевике из плотной синтетики, надетом поверх больничной пижамы — видно край ворота, синюю полоску. Под глазами — мешки, такие бывают от трёх суток без сна. Или от сеанса кражи сновидений. Или от того, что ты уже не надеешься, но всё ещё идёшь.

На левом запястье мигал больничный браслет сопряжения — дешёвый, одноразовый, с красной полосой «родственный допуск». Такие выдавали тем, кто сидел у капсул коматозников и звал их по имени, пока врачи делали вид, что это помогает. Браслет был важнее пижамы: с ним Лера была не просто женой. Она была последней живой подписью Елисея в системе.

У таких браслетов не было настоящего заряда. Был лимит доверия: один родственный запрос, один шанс подтвердить, что спящий хочет вернуться. После этого пластик превращался в мусор, а человек — снова в никого.

Она пахла страхом. Острый, металлический запах, как кровь на снегу. Запах пота, который не от жары, от напряжения. Запах дешёвого табака, въевшегося в одежду.

— Вы Макар? — спросила она. Голос не дрожал. Это было хуже всего — когда человек уже перестал бояться, потому что всё худшее уже случилось.

— Он самый.

— Меня зовут Лера. Лера Вэнс.

— Проходите.

Лера шагнула через порог. Остановилась. Посмотрела на Лялю, на её излучатель, на чёрный провал вместо левого глаза. На потёртые стены, на старую мебель, на кучу окурков в пепельнице из жестяной банки. В её взгляде мелькнуло что-то — не брезгливость, не страх. Усталость. Она уже всё видела. Или ничего не видела. Макар не понял.

За её спиной тянулся подъездный коридор: облезлые стены, пахнущие кошачьей мочой и мокрым бетоном, лестничная лампа, которая мигала в ритме чужой аритмии, детский велосипед без колеса у мусоропровода. На полу под ногами Леры осталась тёмная дорожка воды. Дождь в Ржавых Петлях не падал сверху — он просачивался отовсюду, из труб, из потолков, из старых обещаний муниципалитета. Лера принесла этот дождь с собой, и вместе с ним в комнату вошло что-то больничное: хлорка, холодная простыня, бессонная очередь у капсул.

Макар понял: она пришла не потому, что верила в частных сыщиков. Она пришла потому, что все официальные двери уже закрылись, а в последнюю надо было стучать, даже если за ней сидели алкоголик, киборг и пепельница из жестяной банки.

— У вас киборг с боевым блоком, — сказала она. Это не был вопрос.

— У меня напарница с чувством юмора. Блок — так, довесок.

— Я не буду делать глупостей.

— Знаю, — ответила Ляля, убирая излучатель обратно в предплечье. — Иначе вы бы уже были мертвы.

Лера не вздрогнула. Кивнула. Села в кресло напротив. Не откинулась — села на самый край, готовая вскочить в любую секунду. Пальцы вцепились в старую сумку из козжама, потрескавшегося на сгибах, так будто та могла выстрелить. Или исчезнуть. Или оказалась единственным, что у неё осталось.

— Рассказывайте, — сказал Макар, садясь напротив.

— Мой муж не просыпается. Три дня.

— Как его зовут?

— Елисей. Елисей Вэнс.

— Где он работает?

— Работал. — Лера поправила себя, и этот жест — поправка — сказал Макару больше, чем любые слова. Она ещё не приняла. Она ещё надеялась. — В «Стекланном еже». Техником. Шесть лет.

Макар переглянулся с Лялей. Та чуть заметно кивнула — они поняли одно и то же.

— Ваш муж знал коды доступа к хранилищам снов, — сказал он.

— Знал. Поэтому и уснул.

— Кто-то взломал его имплант. Перегрузил нейросеть сигналом, который она не смогла обработать. Тело живёт. Разум — в сетевом рабстве.

— Вы знаете, кто это сделал? — спросила Лера.

— Знаю, как это выглядит. Врачи назовут цифровой комой. Полиция — бытовой перегрузкой импланта. Корпорация — несчастным случаем.

— А вы?

— Сонной кражей. Не уличной, не пиратской. Слишком чисто. Кто-то не просто выкачал сон Елисея — кто-то запер его сознание внутри собственного последнего сна, как документ в сейфе.

— Зачем?

— Страх продаётся дорого, — ответил Макар. — Воспоминания о счастье — ещё дороже. А чужие сны — это новый наркотик. Вы не знали?

— Знала. — Лера сжала сумку крепче. Костяшки пальцев побелели, кожа натянулась. — Елисей говорил. Он ненавидел эту работу. Говорил, что продаёт не сны, а души. Хотел уйти, открыть свою мастерскую, чинить старые нейросети для бедных.

— В последние недели он перестал говорить даже дома. Только записывал сны на диктофон и прятал кассеты в вентиляции. Сказал: если файлы найдут, они всё сотрут. А если спрятать правду в живой голове, её придётся сначала разбудить.

Дом у них был не домом, а комнатой, которая слишком долго притворялась квартирой. Лера рассказала это не сразу — слова выходили из неё, как осколки из раны. Шкаф подпирал стену, потому что стена устала стоять сама. На подоконнике лежали инструменты Елисея: тонкие щупы, катушки проводов, старый паяльник с треснутой ручкой. Он чинил соседям нейросети за еду, за старые батарейки, иногда просто за «спасибо», которое в Ржавых Петлях стоило меньше кредитов, но грело дольше.

В вентиляции, за решёткой, он держал кассеты. Не потому, что это было надёжно. Потому что облакам он не верил, сейфы стоили дорого, а вентиляция хотя бы честно пахла пылью. На одной кассете Лера однажды нашла наклейку: «Если я начну говорить как начальство — бей меня чайником». Чайник тоже был сломан. Елисей собирался починить его в воскресенье. Воскресенье так и не наступило.

— Почему не ушёл?

— Контракт. «Стекланный ёж» заключает их на десять лет. Если разорвать досрочно — штраф. Всю жизнь не рассчитаешься. А если не платить — заберут квартиру. Или хуже — имплант отключат дистанционно. Он оставался потому, что боялся.

— И он остался.

— Он остался. — Лера подняла глаза. В них не было слёз. Была пустота. — Каждую ночь он подключался к нейросети, чтобы записать свой сон. Говорил, что так он сохраняет себя настоящего. Что когда-нибудь, когда всё кончится, он пересмотрит их и вспомнит, кем был.

— Он оставил запись? — спросил Макар.

— Да. Перед тем, как подключиться в последний раз.

Лера полезла в сумку, достала старый диктофон. Царапанный, потёртый, с кнопкой записи, заклеенной изолентой. Такие делали ещё до того, как вся электроника стала вживляемой. Елисей, видимо, был консерватором. Или не доверял нейросетям.

— Я не слушала, — сказала Лера. — Не могла. Боялась. Поставила на паузу сразу после того, как он сказал моё имя.

— Включите.

Лера нажала кнопку воспроизведения. Из динамика донёлся голос Елисея — спокойный, ровный, как будто он диктовал заветствие. Ни страха, ни дрожи. Только усталость. Бесконечная, как этот город.

Диктофон был не просто старым — он был упрямым. По краям корпуса виднелись следы чужих ремонтов: винт от одной модели, крышка от другой, кусочек изоляции вместо кнопки паузы. Елисей, видимо, чинил вещи так же, как пытался чинить жизнь: не красиво, зато до последнего щелчка. Лера провела пальцем по царапине на корпусе, и Макар понял, что для неё это не носитель информации. Это была вещь, к которой муж прикасался в последнюю нормальную ночь.

— Он ненавидел облако, — сказала она вдруг. — Говорил: всё, что хранится не у тебя в руках, однажды окажется у того, кто платит больше. Поэтому кассеты. Поэтому вентиляция. Поэтому этот дурацкий диктофон, который ест батарейки быстрее, чем мы успевали их покупать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.